

Победоносные союзники в Константинополе!

Сегодня, 13 ноября 1918 года, началась оккупация Константинополя. Побежденная Османская империя¹, которая в военной кампании опрометчиво сделала ставку на Германию, теперь должна поклониться силе победоносных союзников.

Британские корабли вошли в широко известную бухту Золотой Рог², протреленную от мин во вторник, — как раз мимо тех зловещих берегов, где тремя годами ранее имело место постыдное поражение в битве при Галлиполи³. Возможно, это стало катастрофой не только для союзнических войск, но и для победившей османской армии. Потому что именно на этих злосчастных берегах полег весь цвет молодого поколения — потеря, от которой оправиться уже не удалось.

Достигнув знаменитой бухты Золотой Рог, передовой отряд, насчитывавший три тысячи британских солдат, а также примерно пятьсот французских и пятьсот итальянских, немедленно высадился на берег и захватил военные казармы, гостиницы, дома, итальянские и французские школы и госпитали. Все эти люди останутся здесь, пока не заработает союзническая административная машина, не начнется реквизиция частных домов и пока в осажден-

¹ Османская, или Османская, империя существовала с 1299 по 1923 год. (Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.)

² Золотой Рог — узкая изогнутая бухта, вдающаяся в пролив Босфор в месте его соединения с Мраморным морем. Расположена большей частью в черте Стамбула, разделяя его европейскую часть на северную и южную половины.

³ Битва за турецкий полуостров Галлиполи в 1915 году хотя и не оказала большого влияния на ход Первой мировой войны, но была ожесточенной и кровавой. Поле боя осталось за турками.

ном военными городе не будет восстановлен порядок. Эти люди не вернуться по домам, как подавляющее большинство их воевавших соотечественников. Они будут нести службу за тысячи миль от родных очагов во исполнение своей благородной миссии.

Враг входит в Стамбул

Сегодня, 13 ноября 1918 года, вражеские корабли вторглись в наш великий город, цветок нашей Империи. Этот ход так называемых союзников идет вразрез с их обещаниями не оккупировать оттоманские земли. К счастью, оттоманский народ уже давно научился ставить под сомнение все, что говорят наши западноевропейские оппоненты.

Великая печаль охватывала сердца мужчин, женщин и детей, с берега наблюдавших за входом кораблей в нашу любимую бухту Золотой Рог. Некоторые из мужчин сражались в 1915-м против «союзников» в славной битве на побережье Галлиполи. Они потеряли многих боевых товарищей, но вышли из того сражения с победой, овеянные славой. И видеть, как побежденный ими враг теперь преследует их здесь, готовясь предъявить права на их город и, если ему вздумается, реквизировать их дома, — это величайшее унижение, какое только можно себе вообразить.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Константинополь

1921

Три года союзнической оккупации

НУР

Раннее утро. В комнате над босфорскими верфями спит женщина. Длинные черные волосы спутались. Перед сном она забыла завязать их сзади, как делала обычно. Слишком устала. Рука взметнулась над головой в импульсивном порыве эмоциональности, которую она никогда не демонстрировала днем. Пальцы растопырены, открытая ладонь обращена вверх, словно в жесте мольбы.

Тихо, слышится лишь тиканье часов — корпус из темного дерева, довольно грубоватая штукovina. «СДЕЛАНО В АНГЛИИ». Часы сразу бросаются в глаза: наверное, потому, что в комнате почти нет мебели — только они и низкая тахта с грузом спящего на ней человеческого тела. Нет, мебель здесь была — на полу до сих пор видны более темные отпечатки от ее ножек, которые еще не успели выцвести от солнечных лучей. Видны следы и от ковров, намного более дорогих, чем те довольно будничные подстилки, которые лежат здесь сейчас. Килим¹ из Анатолии, сумах² из Персии.

¹ Килим — двусторонний шерстяной ковер ручной работы с турецким этническим узором. (Примеч. пер.)

² Сумах — односторонний безворсовый ковер ручной работы, как правило, большой по размеру; один из символов персидской культуры и государства Иран. (Примеч. пер.)

Встает солнце. Оно поднимается над зеленью холмов на противоположной стороне Босфора и расплывается по воде пролива, словно намазывая ее поверхность маслом. Вот оно коснулось Европы. За какие-то несколько минут охватывает два континента — ежедневное чудо. Его лучи добираются до комнаты со спящей. И в спертom воздухе жилища происходит еще одно чудо: облако неоседающей пыли вдруг превращается в хоровод пляшущих золотых крупинок.

Как бы часто здесь ни убирали, пыль остается все равно. Возможно, это как-то связано с возрастом здания или с тем фактом, что построено оно из дерева, которое много лет подряд подвергалось воздействию дождя, невероятной жары, мороза и снега. Древесина сжималась, расширялась, коробилась и дышала — вела себя как живое существо, частью которого она когда-то была.

Солнечный луч, крадучись, взбирается на постель и касается кончиков пальцев ног спящей, высовывающихся из-под складки покрывала, на котором вышит гранат — вышивка непрофессиональная, но яркая и сделана с любовью. Ее цвета практически совпадают с окрасом настоящих плодов, которые спеют на деревьях в саду по другую сторону пролива. Окантовка этого самодельного покрывала выполнена в виде россыпи сочных зерен граната, которые перемежаются блестящими прожилками из золотых нитей.

Свет доползает до спутанных прядей волос. В тени они казались черными, но теперь обнаруживаются многочисленные оттенки коричневого. Местами они блестят, точно пронизаны золотыми нитями. Солнечные лучи, изготовившись к последнему броску, двигаются по шее, по тонкой линии скулы, слегка приоткрытым губам, заостренному носу, подбираются к векам...

Нур просыпается. Перед лицом — розовый свет. Она открывает глаза. Свет белый. Слегка покачнувшись, она садится, вытирает рот. Ночью ей спалось беспокойно. Что же разбудило ее в столь ранний час? Страшный сон, подробностей которого не припомнить. Чем больше она пытается ухватиться за них, тем быстрее они исчезают из памяти, словно живые существа, закапывающиеся в песок. Оста-

лось только общее ощущение затяжной мучительной тревоги. Неизвестность порождает новое беспокойство. Она встает и смотрит в окно на новый день. За плоскими крышами можно различить полосу воды, блестящую под солнцем. Она убеждена, что к завтраку сумеет отделаться от этого чувства. Что может расстраивать человека в такое утро?

Ох. Пауза. Чего-то не хватает. Теперь с ней такое случается, случается каждое утро. В памяти вдруг всплывает все, что поменялось. Она физически чувствует, как воспоминания вновь ложатся на плечи — уже такие знакомые, что это почти утешает. По крайней мере, сейчас она опять ощущает их, чувствует их тяжесть. И это намного хуже каких-то домыслов насчет любых ночных кошмаров.

В соседней комнате кто-то готовит кофе. Его запах напоминает весь этот день — в нем так же содержится намек на тепло и уют. Она улавливает особые музыкальные нотки в звоне медного котелка с длинной ручкой, который ставится на печку. Сунув ноги в поношенные бабуши — шлепанцы без задника, — она шаркающей походкой выходит в коридор. У плиты, наклонившись вперед, стоит маленькая фигурка. Голова едва выступает над поверхностью, где устрашающе пышет паром котелок. Мальчик. Он поднимает на нее глаза, застигнутый врасплох, — ощущение гордости и вины. Улыбается.

Она не может заставить себя сердиться на него. Кажется, что мальчик — совсем не тот ребенок, каким был два года назад. Тогда по утрам она часто заставляла его лежачим на спине с открытыми глазами и гадала: закрывает он их хоть когда-нибудь или лежит всю ночь напролет, уставившись на страшные картины на потолке, которые рисует ему воображение? В конце концов он, по крайней мере, все-таки начал есть. Но было что-то механическое в том, как он брал еду, жевал ее, глотал и снова открывал рот, чтобы откусить еще раз. Это было простое поддержание жизни, базовый инстинкт организма.

Долгое время в нем не чувствовалось даже намек на того мальчика, каким он был когда-то. Она даже думала, что прежний ребенок исчез окончательно и не вернется уже никогда. Есть вещи, которые способны изменить человека полностью. Тем более